

Доктор биологических наук Владимир Васильевич Меншуткин, ученик Г.Ю. Верещагина, говорил: «При одном упоминании имени этого человека, что-то светлое, хорошее просыпается в моем сердце... Большой, неизгладимый след оставил он в моей памяти. И, возможно, прожил он немного больше, и моя жизнь сложилась бы совсем иначе...»

Глеб Юрьевич родился 14 (15) апреля 1889 года в селе Гостеевка Тамбовской губернии в семье педагога. Отец, Юрий Николаевич — преподаватель русского языка, инспектор и директор гимназий и реального училища — из тамбовских дворян. Предки отца — татары. В 1794 году древний род Верещагиных был удостоен дворянского титула за заслуги перед Отечеством. Глеб Юрьевич хранил память о 10 поколениях своих предков по отцовской линии. Матерью Глеба Юрьевича была Екатерина Робертовна Ребиндер, шведская баронесса. В семье было пятеро детей, Екатерина Робертовна учила их языкам — немецкому и французскому, отец — английскому. Библиотека у Верещагиных была исключительно богатой.

Лето проводили на даче в Беловежской пушче: ловили рыбу, собирали гербарии, составляли коллектив насекомых. Все были заняты. Заметив увлечение сына естественными науками, родители купили ему микроскоп, с которым он не расставался никогда.

Затщательным домашним воспитанием последовало обучение в 3-й Петербургской гимназии, затем — перевод в 3-ю Варшавскую гимназию, которую Глеб окончил в 1908 г. с золотой медалью. В том же году он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Главной Варшавской школы (Университет).

Заведующий кафедрой зоологии Я.П. Щелкановцев заметил интерес Верещагина к естественным наукам, и при его содействии, ещё будучи студентом 3-его курса, тот выполнил первую серьёзную работу «Планктон озера Великого Новгородской губернии», за которую ему была присуждена Золотая медаль университета.

Русское Географическое общество вручает Верещагину свидетельство о принятии в члены Географического общества. С.П. Лепнева (крупнейший русский зоолог) писала: «Зимой 1912 г. произошло личное знакомство Глеба Юрьевича с Бенедиктом Ивановичем Дыбовским, приехавшим из Львова в Варшаву для чтения лекций о Байкале. Знакомство было поистине судьбоносным и продолжалось до конца дней. Не на этих ли увлекательных лекциях учёного-изгнанника возникло в живом воображении молодого Верещагина величественное озеро и зародилось стремление разрешить загадку Байкала?»

В 1913 г. Глеб Юрьевич закончил университет, и его назначили сверхштатным хранителем зоомузея Главной Варшавской школы. С тех пор основным местом его работы является Академия наук России, позже — Академия наук СССР.

Примерно к этому же времени относятся две заграничные поездки Верещагина в Северную Америку для изучения планктона канадских озёр (1912 г.) и в 1914 г. — на Русскую Зоологическую станцию им. проф. А.А. Коротнева в Виллафранка для общего знакомства с морским планктоном.

Служба в Зоомузее, размеренная кабинетная работа не приносила удовлетворения Глебу Юрьевичу. Его бурная энергия влекла в экспедиции для разностороннего изучения озёр.

Инициативная группа Русского географического общества выступила за возобновление деятельности Озёрной комиссии, кото-

Байкалом пленённый

В апреле нынешнего года исполнилось 125 лет со дня рождения Глеба Юрьевича Верещагина, выдающегося исследователя Байкала и популяризатора естественнонаучных знаний.

рая раньше действовала при Президиуме РАН. Глебом Юрьевичем в качестве учёного секретаря были составлены предварительные программы исследования озёр.

В этот период у Г.Ю. Верещагина были другие занятия и поручения, но главной мечтой его жизни оставался Байкал. В 1916 г. при Президиуме РАН организуется экспедиция на Байкал, Глебу Юрьевичу стоило больших трудов получить разрешение на участие в ней. Руководил экспедицией В.Ч. Дорогостайский. Учёные высадились на истоке Анггары, близ устья речки Каменушки. Мыс впоследствии получил название Мыса Экспедиции (падь Рогатка). Задачей экспедиции был выбор места для организации постоянно действующей станции по изучению Байкала. Учёный успел совершить два рейса по Байкалу на пароходе «Феодосий», собрать материал по флоре и фауне Байкала, посетить несколько близлежащих озёр и впоследствии опубликовать эти материалы.

Гражданская война и революционные события прервали исследования, а академическая станция, основанная в урочище Большие Коты, была передана образованному Иркутскому университету и обратно Академии наук не возобновилась.

В 1917 г. изменилась личная жизнь Г.Ю. Верещагина, он женился на Татьяне Ивановне Лебединской. До декабря 1924 г. Татьяна Ивановна работала вместе с Глебом Юрьевичем в районе предполагаемого соединения Онежского озера с Белым морем. Эта экспедиция получила название Олонечкой.

В 1923 г. Г.Ю. Верещагин участвует в работе 2-го Международного конгресса лимнологов в Австрии (Инсбрук). 1925 год: Верещагин готовит 3-й Международный конгресс лимнологов в Ленинграде и участвует в его работе. 1924 год: Глеб Юрьевич избирается учёным секретарём Комиссии по изучению озера Байкал. Им разработаны план и программа работ, рассчитанные на пять экспедиционных сезонов с последующим открытием на Байкале постоянной научной станции.

Уже в декабре 1924 г. Верещагин выехал на Байкал, где провёл большую организационную работу по подготовке к приёму членов экспедиции, оборудованию будущего стационара и т.д. В первые годы работы экспедиции собирался различный материал, ежедневно появлялись сенсационные новости, часто не оправдывавшиеся. Обследовались всё новые районы озера по термике, химизму больших глубин, был проведен ряд гидрологических разрезов. Люди путались в астрономических цифрах номеров станций и проб. Всем этим первоначальным хаосом руководил вечно деятельный, готовый преодолеть любые трудности, неутомимый Глеб Юрьевич.

Исследования Байкала велись Верещагиным по широкой комплексной программе, всесторонне охватывающей природу озера. Это батиметрические работы, изучение режима глубинных вод и различия в вертикальном распределении водных масс открытого Байкала.

Население по Кругобайкальской железной дороге, студенты из Иркутска, школьники стремились узнать, чем занимаются учёные из «Академии на Байкале». Вечерами, по воскресным дням терраса в Маритуйском домике служила своеобразной кают-компанией, там обсуждались результаты научных поисков, там рассказывали любознательным посетителям что-то новое о Байкале. Постепенно терраса превращалась в некую экспозицию (рисунки, графики, приборы для исследований) помогали популяризовать знания о Байкале).

Биологические исследования сводились к решению основной проблемы о происхождении и истории фауны Байкала. Глеб Юрьевич различал континентальный и морской элементы, генетически сложно дифференцируя ту и другую группы.

С 1925 по 1928 год был выполнен огромный объём работ, результаты которых докладывались Верещагиным на 4-м Международном конгрессе лимнологов в Риме в 1927 г. Диапозитивы готовили сами сотрудники, фотографии тоже. Глеб Юрьевич, руководитель этих работ, был награжден высшей наградой Конгресса — дипломом и медалью.

Тамара Борисовна Форш-Меншуткина, работавшая с Глебом Юрьевичем весь бай-

кальский период, писала о нём так: «Не человек, но буря! Просто буря!»

Вся эта неимоверная энергия была направлена на изучение Байкала. Работы приняли систематический характер. Были установлены закономерности распределения температур на всех глубинах, получены сведения о рельефе дна больших глубин, изучался характер донных отложений, строение берегов озера, получены первые данные о химическом режиме притоков Байкала, особенно Селенги, описаны новые виды организмов.

Глеб Юрьевич настойчиво рекомендовал сотрудникам экспедиции и даже требовал, чтобы они рассказывали жителям побережья, что делает, над чем работает Академия наук на Байкале, на что расходуются народные деньги.

Как-то раз, вспоминает Т.Б. Форш-Меншуткина, на Селенге, у Харауза рыбаки, старожилы этих мест, «сплотили несколько рыбацких лодок, и Глеб Юрьевич рассказывал о конгрессе в Риме». А рассказывать Верещагин умел так, что его с одинаковым интересом слушали и участники конгресса, и простые рыбаки. В тот раз, в благодарность за уважение к ним большого учёного, рыбаки преподнесли Глебу Юрьевичу белого байкальского хариуса весом более двух килограммов.

1 октября 1928 г. Байкальская экспедиция была реорганизована в постоянно действующую Байкальскую биологическую (позже — Лимнологическую) станцию АН СССР, а Глеб Юрьевич назначен её заведующим.

К популяризации научных знаний Г.Ю. Верещагин относился очень серьёзно. Им лично была составлена инструкция по приёму посетителей в музее-лаборатории, список очерёдности научных сотрудников для проведения бесед, а если в качестве посетителей были участники научных форумов, то и подробных лекций. Беседы с учёными и государственными деятелями Глеб Юрьевич вёл всегда сам.

Его энергии хватало на всё. Он много времени проводил в экспедициях. Тогда (середина 30-х) с помощью золотого действия исследователя определил против Ухана (остров Ольхон) глубину 1741 м. Именно эта цифра вошла в Большую Советскую Энциклопедию как максимальная глубина Байкала. Далее методы измерения глубин были усовершенствованы. В настоящее время 1637 м против мыса Ижемей считается максимальной глубиной Байкала, но точную максимальную глубину предстоит ещё найти.

К природе Глеб Юрьевич относился всегда ответственно. А.П. Пономарёва вспоминает: были закончены все работы по плану экспедиции, и катер (это был «Б. Дыбовский», в 1931 г. построенный по заказу в Финляндии и прибывший по железной дороге на Байкал) отходил домой. Верещагин заметил дым в прибрежной тайге. Начался северо-западный ветер, и пока катер разворачивался к берегу, огонь разгорелся не на шутку. Тушили пожар ветками сосны, спешно копали канавы. Пожарная помпа катера была малосильной. Вымотались основательно, но не ушли, пока полностью не затушили пожар.

Глубокие и всесторонние исследования привели Глеба Юрьевича к живой связи с народно-хозяйственными организациями: Восточно-Сибирскими и Селенгинским пароходствами, с Гидроэнергопроектом, Народным комиссариатом путей сообщения, специальными проектными организациями и т.д. Для всех были подготовлены и переданы данные по термике, изучению ледового режима, волнению озера, морфологии и динамике берегов.

В связи с проблемами «Ангарстроя» учёный использовал пятилетние наблюдения сотрудников станции, сам разработал воп-

рос о термическом взаимодействии Байкала и Анггары, об изменении уровня озера в связи с подпором будущей ГЭС на Анггаре, сгонно-нагонные процессы и ветровой режим — всё было в поле его зрения. Но и эти работы не отрывали Г.Ю. Верещагина от глубоких теоретических проблем: происхождение фауны Байкала и изучение динамики водных масс.

В тридцатые годы положение в стране было не из лёгких. Шли репрессии, непонятные разоблачения. Исчезали работники Лимнологической станции. Глеб Юрьевич много времени и душевных сил потратил на поиски своих коллег, но, к сожалению, безрезультатно.

С самого начала Великой Отечественной войны учёный проявил себя подлинным патриотом Родины. Деятельность БЛС и свою собственную он ещё больше приблизил к запросам народного хозяйства и обороны. Освоили лов и переработку частичковых рыб. Придумали и сделали жироотпек для рыб — налима и голомянки, чтобы получить эффективное ранозаживляющее средство. Бычки-подкаменщики стали промысловым резервом, дополнительной рыбопродукцией. Готовились к печати и выпускались книжки-брошюры на эти темы. Печатались они на плохой бумаге, но были необходимы для рыболовцевских артелей на Байкале.

«Генеральная репетиция» Дороги жизни на Ладоге, по существу, проводилась на Байкале.

Глеб Юрьевич добился разрешения на военном самолёте слетать в осаждённый Ленинград, чтобы собрать научный материал своих сотрудников и, по возможности, навестить их родственников, что он и сделал, но сведения эти были весьма трагичные. Его жена Т.И. Лебединская-Верещагина также погибла во время блокады Ленинграда.

Верещагин неоднократно просился на фронт, но его не брали — не только по состоянию здоровья, но и из-за необходимости и важности его работы в Академии наук. Исключительная работоспособность учёного достигает сверхчеловеческих пределов. Когда сотрудники валились с ног и говорили: «Глеб Юрьевич, мы больше не можем!», он отвечал: «А как же я?»

В последние месяцы своей жизни он работал особенно много. В декабре 1943 года умерла Екатерина Робертовна, мать Верещагина. Тяжело пережил он эту потерю и как впечатлительный человек не мог оставаться дома один, всё своё время проводил в лаборатории, даже ночевал там.

Владимир Васильевич Меншуткин, сын Тамары Борисовны Форш и Василия Васильевича Меншуткина, вспоминает: «Каждое утро, уходя в школу, мы стучали в окно лаборатории. Глеб Юрьевич отвечал нам, убирал постель, и начинался рабочий день».

2 февраля 1944 года, как обычно, поступали в окно. Ответного стука не последовало. Сказали взрослым, они открыли дверь и нашли Глеба Юрьевича лежащим на полу у рабочего стола... 5 февраля, не приходя в сознание, Глеб Юрьевич скончался». Миокардиосклероз — так назвали причину смерти местные врачи.

Похоронен Глеб Юрьевич Верещагин на местном Листвянском кладбище, рядом с могилой своей матери, которую пережил буквально на 40 дней.

Имя Глеба Юрьевича Верещагина носит судно, специально оборудованное для научных работ на Байкале.

На нашей очередной научной конференции, которая состоится в сентябре в Байкальском музее СО РАН, будет большой раздел выступлений и выставка, посвященные Г.Ю. Верещагину.

В.И. Галкина, консультант Байкальского музея, Заслуженный деятель культуры РФ, Почётный гражданин Иркутского района

9 июня 2014 года в Соединённых Штатах Америки после продолжительной болезни скончалась одна из старейших сотрудниц аппарата Президиума СО РАН

КУЗНЕЦОВА Нина Ивановна.

Нина Ивановна проработала в аппарате Президиума с 1976 по 2012 год, сначала в группе химических наук, а с 1997 года — референтом главного учёного секретаря и заместителя председателя Отделения.

Выражаем соболезнования родным и близким Н.И. Кузнецовой.

Сотрудники аппарата